

A detailed portrait of a dog, likely a Papillon, dressed in royal attire. The dog is seated on an ornate, golden throne with a red velvet cushion. It wears a crown with red and gold details and a large, ornate gold collar with a white fur ruff. The dog's fur is brown and white, and it has large, fringed ears. The background is a dark, textured wall.

Александр Восьмой

**Комедия:
Королева Охуэла
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

Комедия: Королева

Охуэла (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74085573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Королева Охуэла взойшла на престол с девизом: «Если день не начался с катастрофы — значит, мы что-то упустили». Двор бурлит: интриги, внезапные указы и чаепития, которые заканчиваются бегством из зала. В этой книге хаос — это стратегия, а паж ОбосаЖ — её главный тактик. Пёс Фраер — единственный, кто видит двор насквозь. Он молча наблюдает, как люди суетятся, строят козни и теряют короны, и время от времени роняет одну фразу, которая переворачивает всё с ног на голову. Его мудрость — в лае, его философия — в вилянии хвостом. Паж ОбосаЖ решает доказать, что даже самый маленький человек при дворе может быть самым заметным. Его план прост: делать всё наоборот, говорить правду в лицо и надеяться, что никто не заметит. Результат — серия катастроф, которые почему-то всегда заканчиваются в его пользу. Когда во дворце пропадает пирог, начинается расследование века. Пёс Фраер берётся за дело: его методы нестандартны, его улики сомнительны, но его уверенность непоколебима.

Александр Восьмой

Комедия: Королева

Охуэла (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Корона и первая катастрофа»

Утро выдалось таким торжественным, что даже облака, казалось, надели парадные мантии и выстроились в почётный караул. Солнце лилось сквозь витражи Большого тронного зала, раскрашивая мрамор в золото и пурпур, а воздух звенел от предвкушения — сегодня Королева Охуэла вступала на престол.

Двор собрался в полном составе: вельможи в нарядах, где каждый бант был тяжелее мысли, дамы в платьях, чьи шлейфы занимали больше места, чем здравый смысл, и целая армия пажей, которые старались выглядеть так, будто они тут не просто для того, чтобы подавать салфетки. В центре зала возвышался трон — величественный, массивный, внушающий трепет... и, как выяснилось через три минуты, снабжённый колёсиками.

Церемония началась безупречно. Арфисты играли так торжественно, что даже паук в углу перестал плести паутину и прислушался. Верховный церемониймейстер, дрожа от важности, произнёс речь, в которой слово «вечность» прозвучало ровно семнадцать раз. И вот настал главный момент:

Королева ОхуэЛа, в короне, которая весила, наверное, как небольшой город, сделала шаг к трону.

Она села.

Трон поехал.

Сначала медленно, будто не веря в собственную дерзость, а потом — всё быстрее, набирая скорость, словно решил доказать, что и у мебели есть амбиции. Королева, сохраняя царственное выражение лица (хотя в её глазах мелькнуло нечто среднее между удивлением и решимостью), вцепилась в подлокотники. Трон промчался по залу, сбил канделябр, едва не переехал герцогиню Пурпурную (которая в тот момент как раз собиралась упасть в обморок от восторга) и, совершив изящный вираж, врезался в гобелен с изображением героической охоты.

Зал замер. Секунду. Две. А потом раздался первый смешок. Тихий, робкий, словно проверяющий, не казнят ли за него на месте. И тут же его подхватил другой, третий — и вот уже весь двор хохотал, сгибаясь пополам, вытирая слёзы и пытаясь сделать вид, что это была запланированная часть церемонии.

Но Королева не рассердилась. Напротив — она встала, поправила корону (которая чудом удержалась на голове) и, глядя на собравшихся с лёгкой улыбкой, произнесла:

— Что ж, если день не начался с катастрофы — значит, мы что-то упустили. Пусть хаос будет нашим союзником!

И с этой фразы всё окончательно перевернулось.

В первом ряду, стараясь не привлекать к себе внимания (что было непросто, учитывая, что на нём был камзол с зеркальными пуговицами), стоял паж Обосаж. Он был невысок, незаметен и привык, что его путают с мебелью. Но в тот момент, когда трон сорвался с места, в его голове щёлкнуло что-то важное. Он вдруг понял: при этом дворе выживает не самый сильный и не самый богатый — а тот, кто умеет быть непредсказуемым. Тот, кто готов сделать шаг влево, когда все ждут шага вправо. Тот, кто скажет правду в лицо — и сделает это так, будто это самая очевидная вещь на свете.

Обосаж поправил камзол и улыбнулся. У него появился план.

А неподалёку, у подножия лестницы, сидел пёс Фраер. Он не лаял, не метался, не пытался героически спасти ситуацию. Он просто сидел, слегка наклонив голову, и смотрел на происходящее с видом существа, которое знает о мире что-то, недоступное людям. Когда трон пронёсся мимо, Фраер лишь чуть дёрнул ухом. А когда Королева произнесла свою историческую фразу, он тихо фыркнул — будто сказал: «Ну вот, началось».

Позже, когда суматоха улеглась, а вельможи принялись обсуждать, считать ли случившееся дурным предзнаменованием или новым стилем правления, Обосаж подошёл к Фраеру.

— Думаешь, она серьёзно? — шёпотом спросил паж.

— Гав, — ответил пёс. И в этом «гав» было столько смысла, что Обосаж задумался.

Тем временем Королева, уже устроившись на троне (который предусмотрительно подпёрли мешками с шерстью), взяла в руки свиток и объявила свой первый указ. Голос её звучал твёрдо, почти торжественно:

— Отныне каждый придворный обязан начинать день с чего-то неожиданного. Пусть это будет танец на столе, спор с зеркалом или попытка объяснить коту устройство вселенной. Главное — не быть скучным. Ибо скука, дорогие мои, — это единственная настоящая угроза нашему процветанию.

По залу прокатился шёпот. Кто-то закатил глаза, кто-то нервно хихикнул, а вальт Уносяж, стоявший неподалёку, расплылся в широкой улыбке. Для него это был не указ — а приглашение к празднику.

— Наконец-то! — прошептал он. — Теперь можно официально устраивать хаос!

И в тот же миг, будто в ответ на его слова, с потолка сорвался балдахин.

Он падал медленно, величественно, словно хотел напоследок покрасоваться своими золотыми кистями. И упал — прямо на голову советнику по этикету, который как раз собирался возразить против нового указа.

Снова раздался смех. Громкий, искренний, почти счастливый. И даже советник, вылезая из складок ткани, вдруг улыбнулся — будто понял, что сопротивляться этому двору

бесполезно. Лучше присоединиться.

Королева ОхуэЛа смотрела на свой двор — на суету, на смятение, на людей, которые ещё минуту назад были воплощением серьёзности, а теперь смеялись, отряхивались от пыли и, кажется, впервые за долгое время чувствовали себя живыми. Она кивнула сама себе. Да, это было именно то, что нужно.

А где-то в углу, рядом с псом Фраером, паж ОбосаЖ сделал первую запись в своём маленьком блокноте. Аккуратным почерком он вывел:

«Правило первое: если все идут направо — иди налево. Правило второе: говори правду, даже если она звучит глупо. Правило третье: будь готов к тому, что трон поедет».

Фраер посмотрел на запись, фыркнул и вильнул хвостом. Это был только первый день правления Королевы ОхуэЛа. И он уже обещал быть интересным.

Глава 2. «Искусство делать всё наоборот»

Утро во дворце началось не с фанфар, не с торжественных речей и даже не с падения люстры (хотя все уже внутренне к этому готовились). Оно началось с тишины. Той самой, которую обычно старательно заглушали шелестом шёлковых юбок, звоном бокалов и шёпотом сплетен.

Но тишина эта длилась недолго. Ровно до тех пор, пока паж ОбосаЖ не вошёл в зал с видом человека, который знает, что делает, — и именно поэтому все вокруг должны

немедленно забеспокоиться.

На нём был тот самый камзол с зеркальными пуговицами — теперь уже слегка потускневшими после вчерашней суматохи, но всё ещё способными ослепить кого угодно при неудачном повороте головы. В руках он держал свиток. Не какой-нибудь там указ или прошение, а нечто куда более опасное: план.

План, построенный на одном-единственном принципе: делать всё наоборот.

Первым делом ОбосаЖ направился к герцогу Кислю, самому язвительному и вредному вельможе при дворе, человеку, который мог испортить настроение одним взглядом. Все придворные старались обходить герцога стороной, а паж... паж остановился прямо перед ним, расправил плечи и произнёс:

— Ваша светлость, вы сегодня выглядите так величественно, что даже тени от ваших сапог кажутся благородными.

Герцог Кисль замер. Его лицо, привыкшее к гримасе вечного недовольства, на секунду потеряло опору. Он моргнул. Потом ещё раз.

— Ты... что сейчас сказал? — прохрипел он.

— Я сказал комплимент, ваша светлость, — вежливо ответил ОбосаЖ. — И я совершенно серьёзен.

В зале стало тихо. Даже часы на стене, казалось, перестали тикать, чтобы не нарушить этот исторический момент. При-

дворные переглядывались: неужели паж сошёл с ума? Или это какой-то новый вид придворной казни?

Но герцог Кисль не рассердился. Вместо этого он... покраснел. Чуть-чуть, едва заметно, но достаточно, чтобы все поняли: комплимент попал в цель.

— Ну... э-э... спасибо, — буркнул он и поспешно отвернулся, будто пытаюсь спрятаться от собственной доброты.

ОбосаЖ улыбнулся про себя. Первый пункт плана выполнен: враг ошарашен, союзники в замешательстве, а сам он — в центре внимания. И всё это без единого скандала. Почти.

Следующим пунктом значилось извинение перед ковром.

Да, перед ковром. Тем самым, огромным, пушистым, с узором, который, по слухам, мог свести с ума любого, кто слишком долго на него смотрел. Ковёр этот не раз становился причиной падений, спотыканий и даже одной дуэли (из-за спора о том, в какую сторону «смотрит» орнамент).

ОбосаЖ опустил на одно колено, склонил голову и торжественно произнёс:

— Достопочтенный ковёр, я приношу свои искренние извинения за все те разы, когда я на тебя наступал, не задумываясь о твоих чувствах. Прости мою невнимательность.

По залу прокатился шёпот. Кто-то хихикнул, кто-то закатил глаза, а дама в фиолетовом парике даже уронила веер. Но ОбосаЖ держался стойко. Он закончил речь, поднялся и отряхнул колени с таким видом, будто только что заключил важный дипломатический договор.

И тут случилось неожиданное.

Ковёр... чуть шевельнулся.

Нет, серьёзно. Он будто вздохнул. Или это сквозняк? Или магия? Никто не знал. Но факт оставался фактом: в ту секунду, когда паж извинился, узор на ковре словно стал чуть менее агрессивным. По крайней мере, так показалось самой даме в фиолетовом парике, которая тут же заявила, что теперь ковёр выглядит «гораздо дружелюбнее».

ОбосаЖ отметил это в своём блокноте: «Извинения перед неодушевлёнными предметами — работают. Возможно, стоит попробовать с дверьми».

Но главным пунктом плана был бал. Бал в честь тишины.

Когда паж озвучил эту идею на совете при дворе, наступила такая тишина, что можно было услышать, как где-то в дальнем крыле дворца мышь задумалась о смысле жизни.

— Бал... в честь тишины? — переспросил советник по развлечениям, будто пытаясь убедиться, что правильно слышал.

— Именно, — кивнул ОбосаЖ. — Мы соберёмся, нарядимся, ряссядемся по местам... и будем наслаждаться тишиной. Без музыки, без танцев, без споров о погоде. Просто... тишина. Как высшая форма искусства.

Королева ОхуэЛа, до этого момента молча наблюдавшая за происходящим, вдруг наклонилась вперёд. В её глазах загорелся тот самый огонёк, который появлялся всякий раз, когда кто-то предлагал что-то настолько абсурдное, что мог-

ло сработать.

— А знаете, — протянула она, — это гениально. Тишина — это роскошь, которую мы все давно забыли. Пусть будет бал в честь тишины. И пусть каждый гость принесёт с собой что-то, что символизирует покой: камень, перо, пустой стакан... Что угодно, лишь бы это напоминало о тишине.

Советник по развлечениям побледнел, но спорить не стал. Когда Королева говорила «пусть будет», это означало «будет», даже если речь шла о бале в честь отсутствия звука.

Подготовка к балу началась немедленно. И, как ни странно, она сопровождалась невероятным шумом: слуги бегали, кричали, спорили о том, как правильно сервировать «тихие» закуски (оказалось, что бутерброды без горчицы считаются более бесшумными), а портные срочно шили платья, которые «не шуршали».

Вальт Уносяж, узнав о бале, пришёл в восторг.

— Тишина! — воскликнул он, подпрыгивая на месте. — Наконец-то у меня есть официальное разрешение ничего не делать и при этом выглядеть элегантно!

Он тут же объявил, что принесёт на бал... воздух. В хрустальной вазе. «Чтобы все могли полюбоваться тишиной», — пояснил он с серьёзным видом.

Пёс Фраер, наблюдавший за всей этой суетой со своего любимого места у камина, лишь фыркнул. Он не записывал планы, не извинялся перед коврами и не устраивал балов. Он просто смотрел. И в его взгляде читалось: «Люди такие

забавные. Думают, что управляют хаосом, а на самом деле он просто позволяет им немного побегать».

В день бала зал преобразился. Вместо привычных люстр с сотнями свечей горели лишь несколько тусклых ламп, создавая полумрак, в котором даже тени казались тише обычного. На столах стояли блюда, от которых не ожидалось ни хруста, ни звона: мягкие сыры, воздушные муссы, хлеб, который крошился бесшумно.

Гости входили осторожно, будто боялись спугнуть тишину. Они переговаривались шёпотом, кивали друг другу и несли свои «символы покоя»: кто-то — гладкий камень, кто-то — перо, кто-то — пустую шкатулку. Вальт Уносяж гордо нёс хрустальную вазу, в которой, по его уверениям, был запечатан самый тихий воздух во дворце.

Когда все расселись, наступила та самая тишина. Настоящая. Глубокая. Такая, какую редко услышишь в месте, где обычно спорят о фасонах шляп и обсуждают, кто на кого ко-со посмотрел.

И в этой тишине вдруг стало слышно многое.

Шуршание платья дамы в фиолетовом парике — теперь оно казалось почти музыкой. Тихий вздох герцога Кисля — в нём слышалась усталость от вечной язвительности. Даже скрип стула прозвучал как признание: «Я здесь. Я живой».

Королева ОхуэЛа сидела на троне, слегка наклонив голову, и слушала. Потом она улыбнулась — не широко, а так, будто открыла для себя что-то важное.

— Знаете, — сказала она, нарушая тишину, но так мягко, что та не обиделась, — иногда самое громкое заявление можно сделать, просто помолчав.

Все посмотрели на ОбосаЖа. Паж, сидевший в углу и старавшийся не привлекать к себе внимания (что было сложно, учитывая зеркальные пуговицы), почувствовал, как все взгляды сошлись на нём. Он слегка покраснел, но выпрямился.

— Иногда, — тихо произнёс он, — чтобы быть услышанным, нужно сначала научиться молчать. Или... делать всё наоборот.

Королева кивнула.

— Наконец-то кто-то понимает суть правления, — сказала она с удовлетворением.

А пёс Фраер, который до этого момента сидел неподвижно, вдруг встал, потянулся и вильнул хвостом. Будто говорил: «Ну вот. Теперь можно и перекусить».

Так закончился бал в честь тишины — не фейерверками, не танцами и не скандалом, а общим ощущением, что все только что стали чуть ближе друг к другу. И что иногда самый безумный план — это именно то, что нужно, чтобы услышать то, что действительно важно.

ОбосаЖ закрыл свой блокнот. На последней странице он записал:

«Правило четвёртое: тишина громче крика. Правило пятое: даже ковёр заслуживает извинений. Правило шестое: ес-

ли все хотят шума — дай им тишину. И смотри, что произойдёт».

Фраер фыркнул, будто одобряя.

Двор менялся. Медленно, неуклюже, спотыкаясь о собственные привычки — но менялся. И паж Обосаж, самый незаметный человек во дворце, вдруг оказался тем, кто показал всем, как сделать первый шаг.

Глава 3. «Пирог, который изменил всё»

Утро началось как обычно — с лёгкой паники, шёпота за колоннами и ощущения, что сегодня обязательно случится что-то важное. Но никто не ожидал, что этим важным окажется... исчезновение пирога.

Не абы какого, а легендарного. Пирога с вишней и секретной корицей, который пёк старый пекарь Грым ещё со времён прошлого правления. Говорили, что этот пирог умел поднимать настроение даже герцогу Кислю, а в особо тяжёлые дни — возвращать веру в человечество. Он был не просто десертом. Он был символом. Талисманом двора. И вот теперь его не было.

Пропажа обнаружилась во время утреннего чаепития — ритуала, который при дворе Королевы ОхуэЛа давно перестал быть мирным. Чаепития здесь имели обыкновение заканчиваться либо внезапным указом, либо бегством из зала, либо спором о том, можно ли считать варенье отдельным видом искусства.

В тот день всё шло по плану: вельможи расселись, чашки звякнули, пирожные были разложены по тарелкам с военной точностью. И только в центре стола, на почётном месте, где всегда стоял он — пирог, — зияла пустота.

Сначала никто не хотел верить в очевидное.

— Может, его просто не видно? — предположил советник по этикету, наклоняясь так низко, что едва не окунул усы в чай. — Может, он... прозрачный?

— Пирог не бывает прозрачным, — сухо заметил герцог Кисль. — Зато бывает украденным.

По залу прокатился шёпот. Слово «украден» звучало страшнее, чем «наводнение» или «внезапный бал». Потому что если кто-то осмелился украсть пирог — значит, он осмелился бросить вызов самому духу двора.

Королева ОхуэЛа, до этого момента спокойно размешивавшая сахар в чашке, вдруг подняла голову. В её взгляде мелькнуло нечто опасное — смесь гнева, азарта и предвкушения хорошей интриги.

— Пирог пропал, — произнесла она тихо, но так, что все замерли. — А значит, начинается расследование века.

И с этой фразы всё завертелось.

Паж ОбосаЖ, которому доверили вести протокол расследования (потому что у него был самый аккуратный почерк и он единственный не пытался сразу кого-нибудь обвинить),

достал свой блокнот и ручку, расправил плечи и приготовился к подвигам.

— Итак, — начал он, стараясь звучать как настоящий следователь, — последний раз пирог видели вчера вечером. Кто-нибудь что-нибудь заметил?

Ответом ему была тишина. Придворные переглядывались, пожимали плечами, делали вид, что они тут вообще ни при чём и вообще пришли только за чаем.

Но тут в зал вошёл пёс Фраер.

Он не спешил, не метался, не лаял. Он просто вошёл, остановился у пустого места на столе, наклонил голову, принюхался... и вдруг сел. И посмотрел на всех так, будто уже знал правду — и она ему не нравилась.

— Фраер, — позвал ОбосаЖ. — Ты что-то чувствуешь?

Пёс не ответил. Вместо этого он медленно повернул голову в сторону кладовки, тихо гавкнул и пошёл туда — уверенно, как человек, который точно знает, где искать улики.

ОбосаЖ переглянулся с Королевой. Та кивнула.

— Пусть ведёт, — сказала она. — Если кто и найдёт пирог, так это он.

Расследование началось.

Фраер действовал нестандартно. Он нюхал стулья, лаял на подозрительные тени, обнюхивал сапоги вельмож (особенно тщательно — сапоги герцога Кисля, отчего тот покраснел и

заявил, что это оскорбление чести). Он находил улики там, где никто бы не догадался искать: волосок на ковре, крошку под шкафом, след лапы (своей же, но это не мешало ему делать вид, что это важная зацепка).

А Обосаж записывал всё подряд: «Подозреваемый №1. тень в коридоре. Мотив: зависть к текстуре пирога. Возможность: сомнительная». «Подозреваемый №2: дверной косяк. Мотив: обида на то, что его постоянно хлопают. Возможность: низкая, но не исключена».

Королева тем временем издавала указы, призванные ускорить расследование:

— Указ первый: каждый придворный обязан вспомнить, что он ел на завтрак, и доложить лично мне.

— Указ второй: все, кто видел что-то странное, должны немедленно сообщить об этом... даже если это был просто сон.

— Указ третий: никому не паниковать. Паника разрешена только мне.

Вальт Уносяж, услышав про расследование, пришёл в восторг.

— Наконец-то настоящее приключение! — воскликнул он. — Я готов быть добровольным помощником. Что нужно делать?

— Следить за тем, чтобы никто не съел улики, — серьёзно

ответил ОбосаЖ.

Уносяж принял задачу близко к сердцу. Он встал у двери в кладовую, расправил камзол и произнёс:

— Никто не пройдёт. Даже если это будет сам пирог, решивший вернуться домой.

Тем временем Фраер добрался до самой важной улики.

Это был след. Не человеческий, не звериный — а какой-то... странный. Будто кто-то шёл на цыпочках, но при этом волочил за собой что-то тяжёлое. След вёл из кладовой, через коридор, мимо портретной галереи, и... обрывался у окна.

Фраер сел, посмотрел на окно, потом на ОбосаЖа — и гавкнул. Один раз. Чётко. Как будто сказал: «Дальше — по воздуху».

— По воздуху? — переспросил ОбосаЖ. — То есть... пирог улетел?

Фраер вильнул хвостом. Мол, «а ты как думаешь?».

В этот момент в зал ворвался пекарь Грым — запыхавшийся, с мукой в волосах и глазами, полными ужаса.

— Я знаю, кто это сделал! — выдохнул он. — Это... это... Все замерли.

— Это... сквозняк! — выпалил Грым. — Вчера я оставил окно открытым, и сквозняк... он мог унести пирог!

Повисла тишина. Потом кто-то хихикнул. Потом ещё

один. И вот уже весь зал хохотал — не над бедным пекарем, а над самой мыслью, что пирог мог быть похищен ветром.

Но Королева не смеялась. Она задумчиво постукивала пальцами по подлокотнику трона, а потом вдруг выпрямилась.

— Сквозняк, говоришь? — переспросила она. — А что, если это не просто сквозняк? Что, если это... отвлекающий манёвр?

И тут началось самое интересное.

Потому что в этот момент Фраер подошёл к герцогу Кислю, сел у его ног и снова гавкнул — на этот раз прямо ему в ботинок.

Герцог побледнел.

— Что ты хочешь этим сказать? — пробормотал он.

Фраер не ответил. Но его взгляд говорил яснее слов.

А ОбосаЖ вдруг вспомнил одну деталь: вчера вечером герцог Кисль жаловался, что «в этом дворце даже пирогам везёт больше, чем мне». И ушёл в ту сторону, где потом пропал пирог.

— Ваша светлость, — вежливо, но твёрдо произнёс ОбосаЖ, — не могли бы вы объяснить, где вы были вчера после ужина?

Герцог Кисль замялся. Покраснел. Открыл рот, закрыл... и вдруг вздохнул.

— Ладно, — буркнул он. — Я его съел.

Зал ахнул.

— Но не весь! — поспешно добавил герцог. — Только кусочек. Просто... он выглядел так одиноко на этом огромном столе. Мне стало его жалко.

Ещё одна тишина. А потом — снова смех. На этот раз тёплый, почти дружеский.

Королева встала.

— Значит, пирог не был похищен. Он был... спасён от одиночества, — произнесла она с улыбкой. — Что ж, это самое трогательное преступление, о котором я слышала.

Она посмотрела на герцога, потом на Фраера, потом на ОбосаЖа.

— Расследование закрыто, — объявила она. — Но урок усвоен: даже пирог заслуживает внимания. И каждый из нас — тоже.

Вечером, когда суматоха улеглась, ОбосаЖ сидел у камина и дописывал протокол:

«Дело о пропавшем пироге закрыто. Виновный: герцог Кисль. Мотив: сострадание. Наказание: обязательное участие в чаепитии каждую среду (для профилактики одиночества)».

Фраер улёгся рядом, положил голову на лапы и тихо фыркнул.

— Ты знал, да? — спросил ОбосаЖ.

Пёс вильнул хвостом.

— Ну, хоть кто-то тут всё понимал с самого начала, — усмехнулся паж.

А где-то в другом конце дворца герцог Кисль сидел в своём кабинете, пил чай и думал о том, что, возможно, быть чуть добрее — не так уж и плохо. Особенно если рядом есть пирог. Или хотя бы воспоминание о нём.

Пирог исчез. Но он изменил всё.

Потому что после этого дня во дворце стали чаще замечать друг друга. Стали улыбаться чуть чаще. И даже самые язвительные вельможи иногда спрашивали: «А как ты себя чувствуешь?» — не из вежливости, а потому что правда хотели знать.

И это было самое удивительное следствие самого нелепого расследования в истории двора.

Глава 4. «Фраер: философия в одном лае»

Во дворце редко случалось что-то по-настоящему тихое. Даже ночь здесь не была по-настоящему тихой: скрипели половицы, шуршали мыши, а иногда из галереи доносился странный звук — будто кто-то репетировал вздох. Но в тот день тишина была особенной. Она не висела в воздухе, как туман, а лежала, как тёплый плед — уютная, обволакивающая, почти осязаемая.

Пёс Фраер сидел у камина, положив голову на лапы, и смотрел на огонь. Пламя танцевало, рассыпая искры, и в каждом отблеске, казалось, пряталась какая-то истина. Фра-

ер знал: истины вообще любят прятаться. Под коврами, за шторами, в складках мантий, в паузах между словами. И особенно — в тишине.

Рядом, на ковре, уселся паж Обосаж. В руках у него был блокнот — тот самый, куда он записывал всё подряд: от указов Королевы до собственных озарений. Сейчас он смотрел на Фраера и ждал. Не объяснений, не длинных речей — просто какого-нибудь знака. Ведь если кто и знал, как устроен этот безумный двор, так это пёс.

— Фраер, — тихо позвал Обосаж, — а ты когда-нибудь думал... ну, о смысле всего этого? О том, зачем мы тут все суедемся, спорим, падаем с лестниц и снова встаём?

Фраер не поднял головы. Он чуть дёрнул ухом, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними. Потом медленно перевёл взгляд на пажа — и гавкнул. Один раз. Коротко. Как точка в конце предложения.

Обосаж вздохнул.

— Ну вот. Опять философия в одном лае.

Но в этом «гав» было столько смысла, что паж невольно задумался.

В тот же день во дворце случилось нечто странное: все вдруг стали прислушиваться к Фраеру.

Сначала это было почти незаметно. Кто-то ловил его взгляд и вдруг переставал язвить. Кто-то, увидев, как пёс за-

мирает у двери, будто что-то чуя, вдруг задумывался: а стоит ли сейчас туда входить? А потом пошли разговоры. Шепотом, с оглядкой, будто признаваться в этом было стыдно.

— Ты слышал, что Фраер сказал? — шептал один паж другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.